

REFERENCES

1. Virus immunodeficientia cheloveka medicina / Pod red. N. A. Beljakova, A. G. Rahmanovoj. 2-e izd. SPb.: Baltijskij meditsinskij obrazovatel'nyj tsentr, 2011. 656 s.
2. Kol'tsova O. V., Safonova P. V. Povyshenie priverzhennosti k VAART u VICH-infitsirovannyh zhenwin i detej s uchetom sotsial'nyh i psihologicheskikh faktorov. Novye podhody // VICH-infektsija i immunosupressii. 2012. T. 4. № 1. S. 69–76.
3. Semago M. M., Semago N. Ja. Tipologija otklonjajushchegosja razvitija: model' analiza i ee ispol'zovanie v prakticheskoj dejatel'nosti. M.: Genezis, 2011. 400 s.
4. Anand R. HIV/AIDS and Child and Adolescent Psychiatry: A Brief Review // The Internet Journal of Pediatrics and Neonatology. 2006. Vol. 6(1). P. 5–12.
5. Biadgilign S., Deribeshch A., Amberbir F., et al. Adherence to highly active antiretroviral therapy and its correlates among HIV infected pediatric patients in Ethiopia // BMC Pediatrics. 2008. Vol. 8. P. 53–58.
6. Bikaako-Kajura W., Luyirika E., Purcell D., et al. Disclosure of HIV status and adherence to daily drug regimens among HIV-infected children in Uganda // AIDS and Behavior. 2006. Vol. 10. P. 85–93.
7. Butler A., Williams P., Howland L., et al. Impact of Disclosure of HIV Infection on Health-Related Quality of Life Among Children and Adolescents With HIV Infection // Pediatrics. 2009. Vol. 123(3). P. 935–943.
8. Butterworth O., Bunupuradah T., Mengthaisong T., et al. HIV disclosure in HIV positive Thai children // Poster exhibition: 4th IAS Conference on HIV Pathogenesis, Treatment and Prevention: Abstract no. TUPEB142.
9. Mellins A., Brackis-Cott E., Dolezal C., et al. Patterns of HIV Status Disclosure to Perinatally HIV-Infected Children and Subsequent Mental Health Outcomes // Clinical Child Psychology and Psychiatry. 2002. Vol. 7(1). P. 101–114.
10. Menon A., Glazebrook C., Campain N., et al. Mental health and disclosure of HIV status in Zambian adolescents with HIV infection: implications for peer-support programs // J Acquir Immune Defic Syndr. 2007. Vol. 46(3). P. 349–354.
11. Santamaria E., Dolezal C., Marhefka S., et al. Psychosocial Implications of HIV Serostatus Disclosure to Youth with Perinatally Acquired HIV // IDS Patient Care STDS. 2011. Vol. 25(4): P. 257–264.
12. Vaz L., Eng E., Maman S., et al. Telling Children They Have HIV: Lessons Learned from Findings of a Qualitative Study in Sub-Saharan Africa // AIDS Patient Care STDS. 2010. Vol. 24(4). P. 247–256.
13. Vaz L., Corneli A., Dulyx J., et al. The process of HIV status disclosure to HIV-positive youth in Kinshasa, Democratic Republic of the Congo // AIDS Care. 2008. Vol. 9(1). P. 1–11.
14. Wiener L., Mellins C., Marhefka S., et al. Disclosure of an HIV diagnosis to Children: History, Current Research, and Future Directions // J Dev Behav Pediatr. 2007. Vol. 28(2). P. 155–166.

А. Б. Богдановская

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТНО-СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

В проведенном исследовании раскрывается специфика психосемантической организации личностно-смыслового уровня автобиографического нарратива. Автобиографический нарратив — это повествование, в котором события жизни связываются в упорядоченную последовательность при помощи сюжета, формируя структуру субъективной картины жизненного пути. Исследование проводилось на экспериментальной выборке, состоявшей из 26 человек. В качестве группы сравнения были привлечены люди, страдающие психопатологическими расстройствами шизофренического спектра (26 человек). С помощью психосемантических и проективных методов исследования в структуре нарратива были выделены личностно-значимые категории, их семантическая организа-

ция в пространстве отношений. Определены функции автобиографического нарратива, инвариантные для обеих групп: организационная, оценочная упорядочивающая.

Ключевые слова: нарратив, семиотика, диагностика, автобиография.

A. Bogdanovskaya

A Psycho-Semantic Research of the Organization of Personal Meanings in Autobiographical Narratives

The study revealed the specifics of the organization psycho-semantic personal meanings of the autobiographical narrative. The autobiographical narrative is a story in which the events of life are linked in an orderly sequence with the plot creating the structure of a subjective picture of life. The study was conducted on a pilot sample of 26 people. As a comparison group were recruited people with schizophrenia spectrum disorder psychopathology (26 people). Personally relevant categories, their semantic organization in terms of relations in the structure of the narrative were identified with psycho-semantic and projective methods. The following functions of autobiographical narrative, invariant for both groups were identified: organizational, evaluative, orderly.

Keywords: narrative, semiotics, diagnosis, autobiography.

В психологии обращение к нарративу связано с вопросом об организации внутреннего мира человека и того влияния, которое он оказывает на отношения индивида, а также с продолжающимся поиском новых методов и категорий познания, которые должны достаточно явно прослеживаться в процессе взаимодействия и быть доступны для объективного анализа. Можно говорить о том, что на современном этапе развития науки в эпоху постмодернизма произошел поворот к изучению «языковой личности» во всех ее проявлениях [8]. Нарратив становится предметом междисциплинарного изучения лингвистики, философии, психологии, культурологии и т. д. Исследования текстообразования, выделение элементов анализа, влияние фигур адресата и адресанта помогают раскрыть специфику нарративных способов осмысления мира. При этом необходимым становится изучение субъективной реальности человека, формирования его индивидуальности в контексте культурно-исторического процесса. Повествовательная форма становится основой для гармоничного взаимодействия человека с внешним миром. В данном контексте понятие нарратива-повествования как индивиду-

ального текста становится полноправной и приоритетной сферой изучения в психологической науке [10].

Повествование организует и синтезирует внутренний мир человека, создавая текстуальные конструкции, не только отражающие, но и выводящие новые представления на уровень осмысления [2]. Язык становится основным средством моделирования субъективной реальности, в том числе и автобиографического опыта человека. Способность к описанию своего автобиографического опыта как личной истории становится основанием для познания окружающего мира и ассимиляции культурно-исторического опыта, формирующего базу для субъективной реальности человека [3]. Идея соответствия языка, культуры и сознания указывает на то, что изучение нарратива как мировосприятия, превращенного в речь, является важным для понимания становления сознания, самосознания человека, формирования его Я-концепции. Как отмечал Л. М. Веккер, — именно речь переводит психику человека на уровень сознания [5].

В общем виде нарратив представляет собой повествование, историю или рассказ, созданный людьми для описания и органи-

зации их опыта и способа их жизни. Как пишет Дж. Брунер, человек организует свой опыт и свою память, главным образом, в форме нарратива. Воплощение личного опыта в форме истории, рассказа позволяет осмыслить его [4].

Как повествование, нарратив является адресованным к Другому и потому является основным компонентом социального взаимодействия, выполняющим функции создания и передачи социального знания, а также самопрезентации индивидов. Изучение нарратива предоставляет возможность глубже изучить пространство отношений человека с различными сторонами объективной действительности, которое определяет его действия, переживания [9]. Представители социального конструктивизма обращаются к идее нарративного мышления как основе непрерывности, упорядоченности опыта и формирования личности. Изучение нарратива как образа, пригодного для интерпретаций и осмысления, может помочь нам понять, каким образом человек выстраивает и формирует свое жизненное пространство.

Не менее важным оказывается изучение нарратива на уровне индивидуального автобиографического повествования, в котором события жизни связываются в упорядоченную последовательность при помощи сюжета, формируя структуру субъективной картины жизненного пути. Рассказывая последовательно о событиях своей жизни, человек самоопределяется как личность, субъект деятельности в конкретном социально-историческом контексте. Знаковый образ собственной биографии задает структуру индивидуального самосознания личности и отвечает за стабилизацию личностной идентичности, мотивацию развития индивидуальности [1].

В нашей работе мы обратились к психосемантическому исследованию личностно-смысловой организации автобиографического нарратива, который через знаковые (семиотические) структуры интегрирует

личный и социокультурный опыт в индивидуальном сознании. Как пишет Н. Н. Королева, человек взаимодействует с внешним миром посредством созданных им знаковых (семиотических) пространств, объединяющих объективную реальность и его самосознание. Личностно-смысловой уровень как высший уровень репрезентации субъективной реальности человека образуется в результате преобразования и переоценки уникального индивидуального опыта, потребностно-мотивационной сферы, вследствие чего рождаются центральные объекты субъективной реальности человека, организующие взаимодействие человека с реальностью [6].

Актуальность исследования автобиографического нарратива обусловлена рядом факторов. Для общей психологии изучение психосемиотической организации автобиографического нарратива поможет раскрыть принципы порождения, развития и функционирования многомерной субъективной реальности, обеспечивающей регуляцию поведения человека. В то же время автобиографический нарратив раскрывает человека как субъекта отношений и сознательной деятельности, участвует в усвоении социально-культурных ценностей. Это делает его изучение актуальным и для психологии личности человека. Изучение автобиографического нарратива позволяет реализовать исследовательский подход, наиболее полно соответствующий природе индивидуального опыта. Человек не имеет иных способов описания пережитого кроме как в форме нарратива, включающего рассказ о значимых событиях автобиографии в знаковую систему восприятия себя и мира. Событие, превращенное в знак, оказывает влияние на деятельность человека, формирование его личности. Однако в современных исследованиях еще недостаточно изучены психологические механизмы, функционирования знаковых систем индивидуальной биографии. Изучение языка этих сценариев является необходимым для глубинного понима-

ния природы человеческих поступков, внутренней логики поведения, стратегий взаимодействия и успешной адаптации и дезадаптации в жизненной среде.

В нашем исследовании мы выдвинули гипотезу о том, что автобиографический нарратив представляет собой знаковую систему, которая реализует особые функции в жизненном опыте человека. Было проведено пилотажное исследование на экспериментальной выборке, состоявшей из 52 человек. Основную группу испытуемых составили 26 человек (16 женщин, 10 мужчин) двух возрастных групп (21–25 лет — 15 человек, 35–51 год — 11). В качестве группы сравнения были привлечены люди, страдающие психопатологическими расстройствами шизофренического спектра, в количестве 26 человек. Исследование проводилось на базе ГПНД № 7 в дневных стационарах № 2 и № 3.

Все испытуемые были исследованы с помощью ряда психологических методик. *На первом этапе* для выделения личностно-значимых категорий, образов, символов мы использовали нарративы, полученные в результате проведения тематического апперцептивного теста (ТАТ) [7]. Выбор данной методики был обусловлен тем, что она позволяет изучить внутренние конфликты, которые зачастую являются невысказанными и образуют неосознаваемый пласт автобиографического нарратива. Выделенные нарративные категории (семья, дом, отец, мать, дружба, муж/жена, детство, юность, взрослость, старость, прошлое, будущее, настоящее, я, я через 10 лет, я 10 лет назад, женщина, мужчина, Бог, здоровье, болезнь, вина, работа, больница, врач, другие люди, общество, страх, радость, горе, свобода, обида, тревога, любовь, ненависть, надежда, одиночество, смерть, жизнь), присутствующие в историях ТАТ, образуют психосинтаксический уровень нарратива.

Проанализировав работы А. О. Преображенской, Л. М. Бондаревой, Т. Г. Кучина,

Ф. Лежене, Ю. Б. Шлыкова, мы выделили следующие структурные элементы нарратива:

1. Наличие героя повествования. Критерием в тексте являлись личные местоимения: он, она, я.

2. Позиции героя: *активность* (наличие глаголов, выражающих готовность и желание героя действовать: хочу, мочь, помочь, общее количество глаголов); *ответственность* (акты долженствования: должен, должный, надо, нужно); *способность к коммуникации* (глаголы: говорить, сказать, рассказать, дать, договориться, уговорить).

3. В структуре грамматики нарратива мы определили число *метафор* (*острый взгляд, железный характер*) и *внутренних предикатов* (думать, размышлять).

4. Динамика нарратива, развитие его сюжета, включающее зачин, экспозицию, завязку, развитие действия, кульминацию, развязку.

Результаты анализа полученных нами текстов с учетом выделенных категорий показывает, что здоровые испытуемые чаще выстраивают историю, исходя из позиции изображенного героя, тогда как больные — чаще наблюдают за историей со стороны пассивного наблюдателя, который не включается в рассказ и видит его как отвлеченный фильм. В обеих группах испытуемых у главного героя наиболее выражена категория активности, затем — способности к коммуникации и ответственность. Здоровые испытуемые чаще используют метафорические высказывания, что подтверждает выраженность их способности эмоционально оценивать ситуацию. У больных больше выражены внутренние предикаты, что указывает на их аутистические проявления. Анализ последовательного хода повествования показывает, что тексты больных в большей степени сосредоточены на экспозиции (описание ситуации — расстановка персонажей, описание интерьера, пейзажа), тогда как у здоровых равномерно выражены структурные части нарратива.

На втором этапе исследования при помощи *t*-критерия Стьюдента были выявлены достоверно-значимые различия по формальным показателям интерпретации: 1) Здоровые люди достоверно чаще выражают чувства ($t=-5,00$; $p<0,000014$) и мысли ($t=-4,54$; $p<0,000058$) в своих текстах. 2) Здоровые люди чаще обращаются в ходе историй к образам прошлого ($t=-5,09$; $p<0,000011$) и будущего ($t=-3,53$; $p<0,001132$). Временная перспектива больных является усеченной. 3) Тексты здоровых имеют более высокий уровень изложения ($t=-5,62$; $p < 0,00001$), что указывает на сложности понимания глубинного смысла сюжета больными. 4) Выявлены различия по широкому спектру потребностей испытуемых. Особенно ярко они проявляются по отношению к агрессии ($t=-3,52$; $p<0,001159$) и потребности в достижениях ($t=-3,05$; $p<0,004198$). 5) Люди, страдающие шизофренией, достоверно чаще уходят от основной темы рассказа ($t=2,57$; $p< 0,014495$), что указывает на сложности в понимании контекста ситуации.

Задачей *третьего этапа* стал анализ семантической организации нарративов. При помощи цветового теста отношений (ЦТО) Е. Ф. Бажина и А. М. Эткинда [11] нами были проранжированы выделенные на первом этапе исследования смысловые категории в структуре нарративов. Цветовое ранжирование позволило определить выраженность нервно-психического напряжения (СО — суммарные отклонения от аутогенной нормы) по отношению ко всем категориям. У здоровых испытуемых наибольшее напряжение вызывают такие категории, как чувство вины (СО = 32), старость (СО = 30), одиночество (СО = 28), обида (СО = 27), смерть (СО = 25). У людей, страдающих шизофренией, наибольшее напряжение вызывают такие понятия, как болезнь (СО = 31), чувство вины (СО = 30), страх (СО = 30), горе (СО = 29), обида (СО = 29).

Затем результаты индивидуального цветового ранжирования суммировались в групповую матрицу «категории — цвета», в клетках которой указывалась частота выбора определенного цвета по отношению к данной категории. Полученная матрица подвергалась процедуре факторного анализа, в результате которого была выявлена организация категорий в семантическом пространстве цветов (рис. 1, 2). Факторы, по осям которых располагаются переменные, являются сходными в обеих группах: 1-й фактор — временная перспектива; 2-й фактор — выраженность нервно-психического напряжения.

Рассмотрим семантическое пространство здоровых испытуемых (рис. 1).

– Образу «Я» близко понятие «настоящего», что указывает на адекватное восприятие себя во временной перспективе. Образу «Я» субъективно близки понятия «радость», «любовь», что отражает эмоциональное восприятие себя. Близость образа «будущего», «семьи» может указывать на направленность интересов в этой сфере.

– Близко расположены образы, вызывающие высокое нервно-психическое напряжение: «смерть», «одиночество», «болезнь», «старость», «общество». Они максимально отдалены от образа «Я», что отличает семантическое пространство здоровых людей от семантического пространства больных.

– Семантические пространства здоровых людей испытывают влияние возрастных особенностей. Изменяются связи образа «Я» как ядра субъективной реальности с другими элементами. С возрастом образ «Я» начинает вызывать большее нервно-психическое напряжение и становится ближе к образам «Семья», «Муж/Жена», «Болезни». Образ «Я» у молодых людей субъективно близок понятиям «Детство», «Свобода», «Прошлое».

Семантическое пространство отношений условно здоровых людей

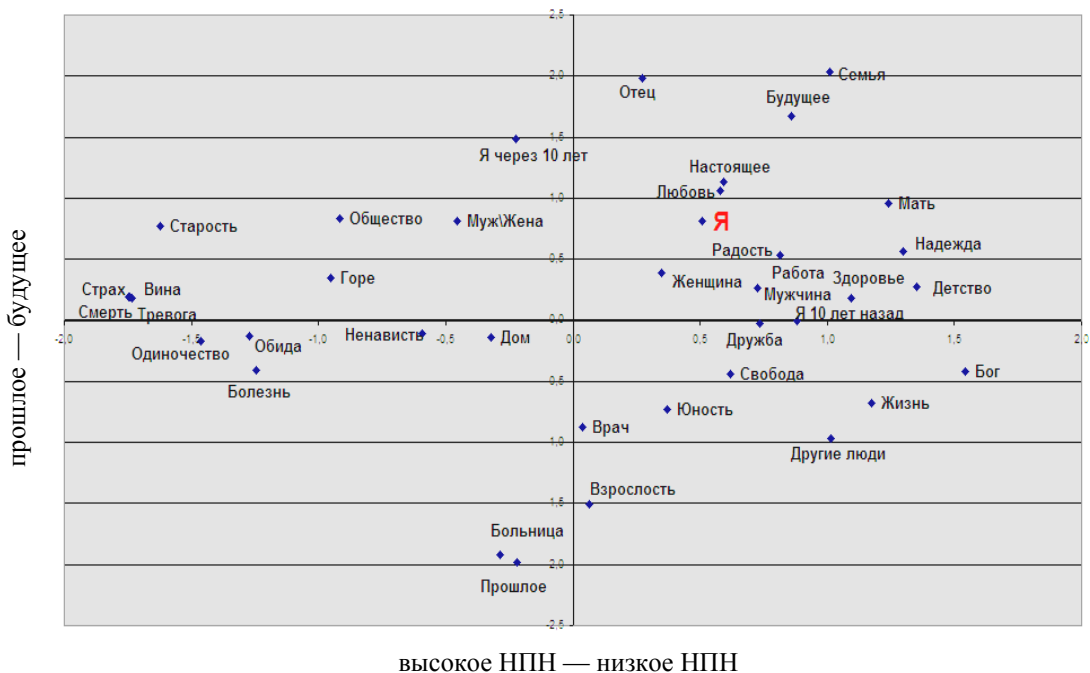

Рис. 1

Рассмотрим семантическое пространство людей, страдающих шизофренией (рис. 2).

Семантическое пространство отношений людей, страдающих шизофренией

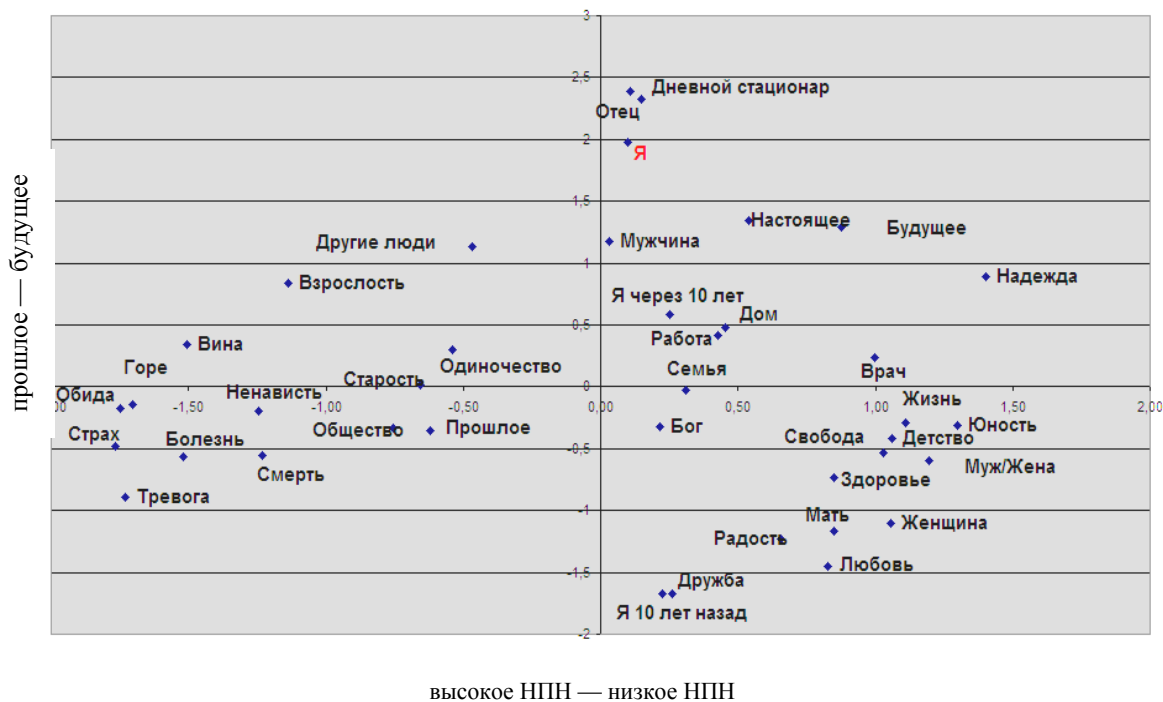

Рис. 2

– Образ «Я» больных оказался отделен от большей части элементов семантического пространства, что согласуется с особенностями заболевания.

– Образу «Я» субъективно близки понятия «Отец» и «Дневной стационар». Оба этих образа являются наиболее субъективно-близкими, однако вызывающими высокий уровень нервно-психического напряжения. По-видимому, это происходит из-за такой функции образов, как побуждение к социальной активности, способность к которой страдает при данном заболевании.

В результате нашего анализа можно говорить о том, что автобиографический нарратив реализует следующие функции в жизненном опыте человека:

– организационная функция, позволяющая расположить жизненный опыт во временной перспективе и в то же время соот-

нести образ своего Я с объектами внешней реальности;

– оценочная функция, позволяющая определить эмоциональное отношение к значимым объектам в пространстве субъективной реальности;

– функция упорядочения, позволяющая выделить и развить потребности и мотивы, которые являются приоритетными в субъективной реальности человека. В заключение можно сказать о том, что наше пилотажное исследование некоторых аспектов психосемиотической организации рассказов подтвердило предположение о том, что функционирование знаков в текстах испытуемых раскрывает специфичность взаимодействия человека с внутренним и внешним миром посредством нарратива.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2010. 288 с.
2. *Анисимов О. С.* Значение, знак, смысл, символ, слово в жизни человека // Мир психологии. 2008. № 2(54). С. 14–26.
3. *Барт Р.* Миф сегодня // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Издательская группа «Прогресс»; «Универс», 1994. С. 72–130.
4. *Брунер Дж.* Психология познания. За пределами непосредственной информации. М.: Прогресс, 1977. 413 с.
5. *Веккер Л. М.* Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998. 364 с.
6. *Королева Н. Н.* Психосемиотика субъективных реальностей личности: Дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2006. 488 с.
7. *Леонтьев Д. А.* Тематический апперцептивный тест. М.: Смысл, 2000. 254 с.
8. *Минзюкова В. В.* Автобиографический текст: речевая стратегия как аспект реализации языковой личности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 2. С. 8–11.
9. *Мясищев В. Н.* Психология отношений. М.: Изд-во МПСИ, 2011. 400 с.
10. *Пигалев А. И.* Знак и психика: виртуальная прагматика постмодернистских психотехник // Мир психологии. 2008. № 2. С. 26–37.
11. *Собчик Л. Н.* Метод цветowych выборов МЦВ: Модифицированный восьмицветный тест Люшера. СПб.: Речь, 2001. 112 с.

REFERENCES

1. *Anan'ev B. G.* Chelovek kak predmet poznaniya. SPb.: Piter, 2010. 288 s.
2. *Anisimov O. S.* Znachenie, znak, smysl, simvol, slovo v zhizni cheloveka // Mir psihologii 2008. № 2(54). S. 14–26.
3. *Bart R.* Mif segodnja // Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika. M.: Izdatel'skaja gruppа «Progress»; «Univers», 1994. S. 72–130.

4. Bruner Dzh. Psihologija poznanija. Za predelami neposredstvennoj informatsii. M.: Progress, 1977. 413 s.
5. Vekker L. M. Psihika i real'nost': edinaja teorija psihicheskikh protsessov. M.: Smysl, 1998. 364 s.
6. Koroleva N. N. Psihosemiotika subjektivnyh real'nostej lichnosti: Dis. ... d-ra psihol. nauk. SPb., 2006. 488 s.
7. Leont'ev D. A. Tematicheskij appertseptivnyj test. M.: Smysl, 2000. 254 s.
8. Minzjukova V. V. Avtobiograficheskij tekst: rechevaja strategija kak aspekt realizatsii jazykovoј lichnosti // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2011. S. 8–11.
9. Mjasishchev V. N. Psihologija otnoshenij. M.: Izdatel'stvo MPSI, 2011 g. 400 s.
10. Pigalev A. I. Znak i psihika: virtual'naja pragmatika postmodernistskih psihoteknik // Mir psihologii. № 2. 2008. S. 26–37.
11. Sobchik L. N. Metod tsvetovyh vyborov MCV: Modifitsirovannyj vos'mitsvetnyj test Ljushera, 2001. 112 s.

А. Г. Грецов

ТРЕНИНГОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПЕРВИЧНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ И МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ИХ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Дается описание тренинговых технологий первичной профилактики аддиктивного поведения в рамках психолого-педагогического сопровождения социализации подростков. Представлена методика оценки результативности психологических тренингов в плане уменьшения склонности к девиантному поведению и, в частности, к злоупотреблению психоактивными веществами. Описывается формирующий эксперимент по проверке эффективности авторских разработок.

Ключевые слова: аддикция, профилактика, сопровождение, психологический тренинг, подростки.

A. Gretsov

Training Techniques for Primary Prevention of Addictive Behavior of Teenagers and the Methodology of their Efficiency Assessment

The article describes the criteria of efficiency of psychological training aimed at reducing the propensity for deviant behavior and, in particular, chemical addictions. Training techniques for primary prevention of addictive behavior of teenagers are described within the framework of the psycho-pedagogical follow-up care of the process of teenagers' socialization.

Keywords: addictive behavior, prevention, support, psychological training, teenagers.

Актуальность совершенствования методики профилактики приобщения российской молодежи к злоупотреблению психоактивными веществами (ПАВ) несомненна. Рост числа наркозависимых, как и проявляющих другие формы химических аддикций, принял угрожающий характер, особенно среди молодежи, что ставит под угрозу

национальную безопасность страны. «Наркомания заняла первое место среди причин преждевременной смерти людей, опережая сердечно-сосудистые и онкологические заболевания» [3, с. 150]. Поскольку лечебные мероприятия при сформированной химической аддикции малоэффективны, приоритетным является повышение эффективно-